

КРИТИКА
И БИБЛИОГРАФИЯ

ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ:
ПРОРЫВ В TERRA INCOGNITA*

Вероятно, наша психология уже пережила со-
стояние “инновационного шока”, который испы-
тывала на протяжении последнего десятилетия.
Очень скоро выяснилось, что за одними “иннова-
циями” вообще нет никакого содержания (кроме
амбициозного самоназвания), они страдают оче-
видным креном в околонаучный “фельдшеризм”;
другие – воспроизводят подходы, актуальные на
Западе 20, 30 и даже 40 лет тому назад. Ситуация с “инновациями” в науке сродни житейской: не-
кая фирма зазывает потенциальных клиентов на
презентацию, обещая всевозможные диковинки,
а в итоге предлагает банальный “тайм-шер”...

На этом фоне резко контрастирует то направ-
ление теоретических, экспериментальных и при-
кладных разработок, которое представлено в ре-
цензируемой книге. Этнофункциональная психоло-
гия и психотерапия А.В. Сухарева – это, вне
всякого сомнения, прорыв в *terra incognita*, от-
крытие нового пласта психической реальности,
способов его анализа и описания, методов работы
с ним. Свое направление автор создал на пересеч-
ении общей и медицинской психологии, психотера-
пии, этнологии, отчасти этнопсихологии. Но в
отличие от многих “стыковых” работ самобыт-
ный предмет исследования Сухарева не “раство-
ряется” в полидисциплинарных предпосылках и
основаниях. Исследованию присуща цельность
несмотря на то, что диапазон материалов из раз-
личных областей знания, к которым апеллирует
автор, предельно широк и поначалу может обес-
куражить читателя. В границах одного и того же
текста мы находим обращение, с одной стороны,
к клинике опиоидной наркомании и изучению
психофармакологических эффектов, с другой – к
анализу соотношения категорий “культура” и
“этничность”, подходов к построению понятия
“этническая маргинальность” и т.д. Смысловую
цельность (и целостность) работы определяет ее
общепсихологическая доминанта.

Не будет преувеличением сказать, что автору
удалось сделать (согласно древнему христианско-
му апокрифу) самое трудное, а именно: превратить
внешнее во внутреннее. Поясним это. Клас-
сический этнопсихологический дискурс в той или
иной степени опирается на парадигму “внешней

детерминации”. В рамках дискурса этнокультура (ее ритуализированные традиции, символика, атрибутика, архетипы и др.) предстает как система факторов (“независимых переменных”), оказы-
вающих значимые влияния на психику индивида.
Предметом изучения при этом становятся раз-
личные формы такого влияния, направленного
извне внутрь. Даже когда речь заходит о “духе на-
рода” как о чем-то живом и почти персонифици-
рованном (в отличие от безличной идеологии),
встает вопрос: как овнешненное, объективиро-
ванное содержание этого “духа” врашивается в
глубины индивидуальной души.

Сухарев видит в “этничности” имманентную
целостнообразующую характеристику человечес-
кой психики. Нельзя не согласиться с мнением
авторитетного этнопсихолога Надежды Лебеде-
вой, написавшей предисловие к книге и считаю-
щей, что основная заслуга разработанной “теории
и метода состоит в том, что они работают и помо-
гают человеку “вернуться к себе”...” (с. 6). Разуме-
ется, памятуя о предостережениях Г.Г. Шпета, ав-
тор вовсе не стремится психологизировать “эт-
ничность”. Просто он пытается найти интимно-
психологические спецификации этого понятия,
что предполагает реконструкцию этнофункцио-
нальных механизмов (а не просто источников, ус-
ловий, факторов – пусть самых важных!) психики
человека. Поэтому, скажем, проблема этничес-
ти как принадлежности человека к какой-либо
этнической общности (равно как и проблема осо-
бенностей этноменталитета) менее всего занима-
ет внимание автора. Его, как уже говорилось вы-
ше, интересует общепсихологическая сторона де-
ла. Свои представления об этнофункциональных
механизмах психики Сухарев конкретизирует
прежде всего в понятиях этнической функции
элементов психики (по А.Ф. Лазурскому), этноида
и этнофункционального рассогласования. Вводи-
мые понятия операционализируются в работе
применительно к анализу закономерностей психи-
ческой адаптации человека.

Автор подробно раскрывает многоплановый
культурно-исторический контекст исследования.
Он воссоздается через систему представлений об
отношении человека к кризису современной
культуры, о возможностях гуманитарного и ин-
формационного подходов к пониманию сути это-
го кризиса, статусе кросскультурных исследова-
ний в психологии, психиатрии, психотерапии, пси-

*Рец. на кн.: Сухарев А.В. “Этнофункциональная психология: исследования, психотерапия”. М.: Институт этнологии и антропологии РАН. Координационно-методический центр “Народы и культуры”, 1998. 269 с.

хологической антропологии. В этом контексте принципиально по-новому ставится проблема психической адаптации человека и намечаются пути ее решения.

По мнению Сухарева, за кризисом современной цивилизации (ссылка на который уже давно стала клишированным рефреном многих гуманистических трудов) в значительной степени стоит кризис этничности и отношения человека к ней. Отсюда – развиваемый в книге энтофункциональный подход, который, с точки зрения ее автора, адекватен специфике актуальной исторической ситуации, поскольку ориентирован на анализ и коррекцию (“психотерапевтическую проработку”) именно этого отношения. Кризис этничности далеко не всегда является следствием внутриэтнической дезинтеграции, непосредственного разрушения традиционных национально-культурных укладов и т.д. Он имеет закономерную естественно-историческую природу и в этом смысле характеризует “норму” исторического развития. Его неотвратимость фактически обосновал А. Тойнби, который писал, что если раньше общество осознавало себя замкнутым универсумом, то в наш век оно идентифицирует себя с частью более широкого универсума. Поэтому любые директивные (например, политические) изоляционистские “оргмеры”, предпринимаемые в целях “возрождения” национального сознания и самосознания, равноценны попыткам повернуть историю вспять и, как таковые бесперспективны. В этой ситуации приоритетным предметом научного исследования и практической работы становится отношение человека к собственной этничности. Ключевые функции в построении этого – полидисциплинарного – предмета принадлежат энтофункциональной психологии и психотерапии.

Суть наиболее радикального шага, сделанного в книге, заключается в следующем: автор – впервые, насколько нам известно, – интерпретирует проблему жизненно значимых отношений человека к разным группам этнических признаков (климато-географических, антропобиологических, социокультурных) как проблему его отношения к самому себе. Поэтому, в частности, она оказывается открытой и для психотерапевтического анализа.

Генетическая связь депрессивных и психосоматических расстройств, алкогольной и наркотической зависимостей с различными формами психической дезадаптации давно и хорошо известна в психопатологии. В клинических исследованиях некоторые из этих форм соотносились и с уровнем “плавающей” тревоги (этому показателю придается в работе особое значение). Менее очевидно то, что вышеуказанная генетическая связь может быть задана в рамках особой модели организации жизненного мира человека – общей для

патологии и нормы. В этом случае понятие психической дезадаптации как таковое еще не несет в себе “пределного” объясняющего принципа. Данная многомерная (у Сухарева – трехмерная) модель зиждется на фундаментальных этнофункциональных рассогласованиях в психике человека – рассогласованиях его отношений к тем или иным группам этнических признаков (см. выше) и с этих позиций может рассматриваться как дезадаптивная. Я бы сказал, что главный прорыв, осуществленный в книге, как раз и состоит в теоретическом воспроизведении этой модели (гл. 2), ее экспериментальной верификации (гл. 3), наконец, в определении стратегии и тактики ее психотерапевтической проработки (гл. 4). Помимо всего прочего, это придает исследованию логическую стройность и завершенность.

В работе *de facto* показано, что отношение человека к собственной этничности носит не непосредственный, а глубоко опосредованный характер. Искомое опосредующее звено и представляет собой специфический предмет для психологического исследования (с известной “непроницаемостью” которого сталкиваются методы социологии, культурологии, этнологии и других сопредельных с психологией гуманитарных дисциплин). Это звено “схватывается” во вводимом автором понятии “этноид”. Под этноидом понимается образ отношения человека к своей этничности. Он содержит когнитивные и аффективно-смысловые компоненты, ему присущи определенные “моторно-поведенческие” и иные объективации.

Этноид можно рассматривать как специфический функциональный орган (если воспользоваться термином, идущим от А.А. Ухтомского), обеспечивающий прежде всего смысловую ориентировку в системе отношений к разным группам этнических признаков. Такая ориентировка характеризуется достаточной психологической сложностью и проблемностью для субъекта (хотя производится преимущественно на неосознаваемом уровне), поскольку сама эта система, как свидетельствуют экспериментальные материалы Сухарева, отличается гетерогенностью и динамичностью. Соответственно психотерапевтическая “проработка” проблемы отношения к этничности включает в себя в качестве центрального момента работу с этноидом.

Правда, поначалу складывается впечатление, что Сухарев склонен трактовать этноид (и отношение человека к этническим признакам) как некую *данность* для исследователя. Это расходится с установками культурно-исторической теории Л.С. Выготского и его последователей, согласно которым генетические источники высших психических функций, – а к кругу последних безусловно принадлежит этноид, – не даны, а заданы в пространстве культуры. Пожалуй, возможна не-

которая, пусть не самая строгая, аналогия понятия этноида с понятиями архетипа и архетипического представления в трудах К.Г. Юнга. Юнгианского аналитика бесполезно спрашивать, откуда возникли те и другие. Главное, что они есть и как таковые конституируют организацию душевно-духовного мира субъекта. Так и для Сухарева принципиален факт существования этноида, который он пытается “вписать” в структуру человеческой психики. Кстати, попутно заметим, что автору следовало бы отвести этноиду более четкое место в этой структуре... Однако неявное постулирование данности этноида получает в книге известный рабочий смысл. Оно позволяет вычленить новый пласт психической реальности “в чистом виде”, не редуцируя этот пласт к системе его ближайших предпосылок, даже самых значимых. Поэтому первоначальный элемент условной абстрагированности от них представляется допустимым, и мы далеки от упрека Сухарева в агенетизме.

Этот потенциальный упрек позволяет “отвести” еще одно обстоятельство. Автором предложена оригинальная концепция этнофункционального психического дизонтогенеза. В русле этой концепции содержание понятий этноида, отношения к этническим признакам, этнофункционального рассогласования представлено в своей генетической развертке. Автору удалось эксплицировать внутренние трансформации этого содержания и их реальную противоречивость, соотнести друг с другом филогенетический, онтогенетический и функциогенетический планы развивающегося предмета исследования.

Экспериментальная и практическая части работы заслуживают специального и развернутого анализа, хотя сам автор – не без оснований – возлагает на них сугубо прикладные функции верификации и валидизации своих теоретико-методологических подходов. Ограничимся указанием лишь на следующий момент. Автор не просто разработал отдельные исследовательские инструменты, а фактически задал эвристическую модель построения методик соответствующего типа. Аналогичным образом в работе описывается не комплекс частных психотерапевтических и психопрофилактических процедур – здесь получает свое обоснование новая парадигма психотерапевтической практики. Поэтому названные части работы являются органичным продолжением теоретической рефлексии автора по поводу категориальных определений (всеобщих свойств) изучаемого предмета.

Тем не менее при чтении книги возникает ряд дискуссионных соображений.

Первое. В иных случаях кажется, что автор слишком жестко и однозначно старается “привязать” анализируемую феноменологию к своим концептуальным схемам, не оставляя пространства для других способов объяснения. Получает-

ся, что этнофункциональное рассогласование становится универсальным источником внутренних проблем человека.

Второе. Некоторой произвольностью страдает стадиальная модель этнофункционального психического дизонтогенеза, что вообще характерно для рекапитуляционистского подхода, на который опирается Сухарев. К тому же выделение стадий онтогенеза отношения человека к этнокультурной и природной среде (сказочно-мифологической, концептуально-религиозной, технотронно-cientистской) производится вне контекста специфических закономерностей детского развития, прежде всего – вне контекста ведущего типа деятельности ребенка.

Третье. Автор отмечает, что за рамками его анализа остались формы психической адаптации, соответствующие высшим “ярусам” духовно-душевного мира человека. С их изучением он связывает собственные исследовательские перспективы. Наличие перспектив, конечно, радует. Но не стоит забывать известного общенаучного регулятива: “высшее – ключ к познанию низшего (а не наоборот)”, воплощенного в философско-логическом принципе единства исторического и логического. Здесь это означает, что изучение процессов адаптации–дезадаптации в рамках актов творчества, самопожертвования, прагматически не мотивированного поведения в ситуации риска и др. могло бы пролить свет на особенности обыденных, “массовидных” проявлений психической адаптивности–дезадаптивности. Тем более автор в своей экспериментальной и практической работе фактически использует методики, основанные на проблематизации этноида. А это предполагает обращение к ориентировочно-смысловым, творчески-поисковым моментам диалога, который разворачивается между экспериментатором и испытуемым, психотерапевтом и клиентом.

Четвертое. Сухарев пишет, что его психотерапевтическая модель не является психоаналитической в собственном смысле слова. Но ведь З. и А. Фрейд, Э. Эриксон, М. Клейн и очень многие другие по существу занимались “проработкой” стадий психического дизонтогенеза. Вообще, автору нужно было бы четче обозначить отличие предлагаемой психотерапевтической модели от существующих.

Вполне закономерно, что положения новаторской работы А.В. Сухарева могут и должны стать предметом напряженных дискуссий. Психология и психотерапия пополнились серьезным фундаментальным трудом, который, надеемся, не останется без внимания специалистов и вызовет жаркие споры.

В.Т. Кудрявцев,
доктор психол. наук, профессор, Москва